

От редакции

Мы рады представить вашему вниманию статью, которая, возможно, не соответствует строгому академическому стандарту, если одним из элементов последнего непременно считать использование большого количества нормативных источников и вторичной литературы. Однако следование такому стандарту, на наш взгляд, не является принципиальным (обязательным), если за каждым словом стоит многолетний практический опыт участника международных уголовных процессов.

Автор статьи, Михаил Владимирофф (*Michail Wladimiroff*), является опытным адвокатом из Нидерландов, практикующим в качестве защитника по уголовным делам, рассматриваемым международными судами. Он — старший партнёр юридической фирмы «*Wladimiroff Advocaten*», и у него за плечами сорокалетний опыт адвокатской практики, из которых около пятнадцати — на международной арене. Он выступал в качестве основного защитника в деле *Душко Тадича (Duško Tadić)* в Международном уголовном трибунале по бывшей Югославии и в качестве со-защитника в деле *Муземы (Mu-*

sema) в Международном уголовном трибунале по Руанде.

Михаил Владимирофф — последовательный сторонник повышения уровня профессиональной подготовки адвокатов и апологет усиления роли защитника в международном судебном процессе. Это находит отражение не только в его выступлениях и публикациях, но и в практической деятельности за пределами зала судебных заседаний. На протяжении многих лет он являлся лицом, ответственным за образовательные программы для адвокатов в Нидерландах; он также разрабатывал и принимал участие в большом количестве специальных тренинговых программ для практикующих юристов в Европе и за её пределами. Михаил Владимирофф — соучредитель Европейской ассоциации юристов, специализирующихся по уголовным делам (*European Criminal Bar Association*), вице-президентом которой он был с 1998 по 2003 годы, а также бывший вице-президент Международной ассоциации юристов-защитников по уголовным делам (*International Criminal Defence Attorneys Association*).

Рассуждения о статусе защитника в международных судебных разбирательствах

Михаил Владимирофф*

Автор, опираясь на собственный опыт участия в международных уголовных разбирательствах, анализирует статус защитника в международном уголовном процессе. Он обращает внимание на недостатки правового регулирования статуса международного защитника и утверждает, что в целях надлежащего осуществления уголовного правосудия на международном уровне необходимо усовершенствовать требования к кандидатам на роль защитника и предоставить последним более широкие права за пределами зала судебных заседаний.

→ *Защитник, международные уголовные судебные разбирательства, международный уголовный процесс, Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии, Международный уголовный трибунал по Руанде*

The author, drawing upon his own experience in international criminal trials analyses the role of defence counsel in international justice. He reveals the drawbacks of international statutory setting for defence counsel and argues that for the sake of proper administration of criminal justice on an international level the relevant quality requirements should be increased and defence counsels' legal opportunities outside the courtroom should be expanded.

→ *Defense counsel, international criminal trials, international criminal procedure, International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, International Criminal Tribunal for Rwanda*

Введение

Появление в начале 1990-х годов международных трибуналов *ad hoc*, а через несколько лет и Международного уголовного суда (далее — МУС), дало основание некоторым специалистам говорить о том, что привлечение к международной уголовной ответственности изначально возникло не столько из потребности в осуществлении правосудия, сколько из-за твёрдого убеждения в том, что безнаказанность за самые ужасные преступления не-

допустима. Иными словами, лица, причастные к совершению геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, должны быть привлечены к суду. Стремление средств массовой информации, политиков и ряда неправительственных организаций добиться обвинительного приговора, а не справедливого судебного разбирательства, оказывает давление на процесс рассмотрения дел в международных судах. Согласно распространённому мнению, оправдательный приговор — это провал.

* *Wladimiroff Michail* — адвокат, международный защитник, адвокатская контора которого находится в Гааге (e-mail: m.wladimiroff@wlaws.com). Перевод с англ. яз. выполнен А.Мазуренко и М.Тимофеевым. Настоящий материал впервые был представлен в виде лекции сотрудникам Международного уголовного суда 10 мая 2012 года.

Я полагаю, что пришло время для более взвешенного подхода. Настал момент для повышения эффективности суда и справедливости процесса, и, прежде всего, для усиления роли стороны защиты с тем, чтобы международное уголовное правосудие не было исключительно делом борьбы с преступностью или просто орудием мести. Следует добиться более совершенной реализации принципа установления истины, а также большей справедливости судебного разбирательства, которое не должно воздавать должное истории, или — что еще хуже — становиться матчем между двумя командами с одним единственным победителем. С этой целью необходимо найти новый, более сбалансированный, подход к надлежащему осуществлению функций всех основных участников процесса — не только судей и прокуроров, но и, в частности, защитника. В настоящей статье я сосредоточу внимание на роли защитника в международном судебном процессе и на моем личном опыте работы в первые годы функционирования Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (*далее* — МТБЮ).

Роль защитника

Позвольте мне начать с констатации того, что в большинстве национальных правовых систем защитник считается чрезвычайно важной фигурой в уголовном процессе, существование которой обосновывается, по меньшей мере, необходимостью оправдания невиновных и вынесения надлежащего приговора. Ни одна развитая система уголовного правосудия не доверяет исключительно прокурору, который во всём должен разобраться, и не полагается всецело на судью, который в конкретном деле в совершенстве и заранее знаком с возможными аргументами обеих сторон. Иными словами, реализация принципа верховенства права зависит не только от того, каким образом следственные, прокурорские и судебные органы исполняют свои обязанности, но и от надлежащего исполнения своих обязанностей защитником. Именно поэтому необходимы гарантии с целью установления границ для осуществления следственных и прокурорских полномочий, и именно поэтому подсудимый имеет право на помощь защитника.

То, каким образом институт защитника встроен в правовую систему, оказывает значительное влияние на осуществление прав обвиняемого. Когда подсудимый не играет активной роли в ходе судебного разбирательства, или не имеет права выступать в суде (за исключением случаев, когда его вызывают в качестве свидетеля в собственном деле) — защитнику следует предоставить больший объем прав, нежели его коллегам в системах со следственным процессом. Говоря о правах, я подчеркиваю, что права, предоставленные защитнику, неотделимы от обязанностей, которые он призван выполнять. Эти «сиамские близнецы» — права и обязанности — являются инструментами защитника, которыми он наделен в целях надлежащей подготовки к судебному разбирательству, выполнения своей функции в зале суда, а также решения других задач за пределами фактического судебного процесса. Для лучшего понимания этого вопроса нам следует уделить больше внимания взаимодействию прав и обязанностей защитника.

Вопрос прав и обязанностей защитника связан не только с формальными правовыми предписаниями, но также и со стандартами профессионального поведения и профессиональной этикой. Речь идет об обязательствах не только по отношению к обвиняемому (подсудимому) — по милости которого защитник играет свою роль — но также и по отношению к другим лицам, участвующим в отправлении правосудия, и по отношению к обществу в целом. Иными словами, права и обязанности защитника нельзя сводить к субъективному интересу обвиняемого (подсудимого): это вопрос публичного интереса. В этом смысле система отправления правосудия, в которой отсутствует противовес обвинению в виде надлежащей работы независимого защитника, не соответствует интересам общества.

Из прав и обязанностей вытекают три основных функции защитника. Первая и главная заключается в том, что защитник действует как *доверенное лицо*. Он должен уметь сочувствовать ситуации своего клиента и должен в известной степени принимать участие в судьбе последнего. Это не то же самое, что полностью разделять точку зрения или позицию обвиняемого (подсудимого). Однако часто защитник является единственным человеком, с которым обвиняемый может об-

шаться конфиденциально без вмешательства других людей. Для надлежащего выполнения этой функции на защитника должна быть возложена обязанность хранить тайну.

Наиболее известной функцией является функция *защитника*. Адвокат защищает интересы исключительно своего клиента, он не должен защищать другие интересы, которые могут вступать в конфликт с первыми. Он должен противостоять любым нарушениям прав обвиняемого (подсудимого), и он всегда будет стремиться к достижению наиболее благоприятного исхода для своего клиента. Защитник обязан использовать свои правовые знания и навыки безоговорочно в пользу обвиняемого. Выполнение этой функции предполагает, что он будет максимально использовать все возможные средства защиты, предоставленные законом.

Наконец, защитник — это своеобразный *переводчик*. Он объясняет своим клиентам требования системы уголовного правосудия и представляет позицию обвиняемого (подсудимого) другим участникам процесса. Задача заключается в том, чтобы взглянуть на факты и обстоятельства с точки зрения обвиняемого (подсудимого) и таким образом подвергнуть сомнению аспекты уголовного дела, как они представлены обвинением. Защитник пытается установить общую картину реальности.

Так как права и обязанности защитника действуют не только во благо клиента, ибо — как я уже указывал — существует и общественный интерес, их не следует абсолютизировать. Здесь нельзя не упомянуть теорию трех кругов. Представим, что надлежащее исполнение защитником своих обязанностей осуществляется в рамках трех кругов. *Внешний круг* — это обязанность защитника работать в рамках закона. *Средний круг* — это обязанность действовать в рамках правил поведения, относящихся к его профессии. Границы же *внутреннего круга* очерчиваются личными представлениями практикующего юриста о надлежащем исполнении защитником его обязанностей.

Из-за субъективных элементов, связанных с внутренним кругом, невозможно вывести общие правила, касающиеся существующих в его рамках обязательств. Нормативные тре-

бования в этой сфере обязательств в основном установлены степенью положительной или отрицательной оценки фактического поведения защитника внешним миром. Требования, касающиеся двух других кругов, могут отличаться в зависимости от правовой системы, в которой работает защитник. Несмотря на все возможные отличия, тексты международных документов, касающиеся практики юридической профессии, свидетельствуют о согласии в том, какое поведение считается надлежащим. Защитник обязан правильно и адекватно использовать свои права, своевременно выполнять свои обязанности и при исполнении своей задачи быть независимым и исходить из интересов клиента.

Правовые основы статуса защитника

Следует обратиться к анализу процессуального права международных судов и рассмотреть, что оно говорит о правах и обязанностях защитника. Поразительно, но действующие статуты едва ли проливают свет на статус защитника. Он лишь упоминается мимоходом в связи с судебным процессом в качестве возможности, предоставляемой обвиняемому, в случае если того требуют интересы правосудия. Роль защитника сформулирована нечетко, и едва ли мы можем найти какие-либо руководящие принципы. Международное уголовное процессуальное право предусматривает право обвинения вызывать свидетелей, однако молчит об аналогичной возможности защиты. В отличие от стороны обвинения, защита не может обратиться за поддержкой к властям государств-членов, или искать помощи у международных организаций, таких как Интерпол. За пределами зала судебных заседаний защитника можно запросто игнорировать.

В *деле Тадича*¹, например, трудно было провести эффективное обнаружение доказательств на месте в Боснии и Сербии. У меня не было никаких прав вне зала судебных заседаний. Местные власти препятствовали поиску и обнаружению доказательств, подвергая аресту потенциальных свидетелей; другим свидетелям угрожали сотрудники полиции, чтобы те не давали показания. Многие боялись вступать в диалог со стороной защи-

¹ International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. *Prosecutor v. Duško Tadić*. Case No. IT-94-1-Tbis-R117.

ты. Доступ к свидетелям не стал проще и после подписания Дейтонского соглашения в декабре 1995 года. Данная конкретная проблема, учитывая исключительные обстоятельства в этом регионе, также не была исправлена каким-либо законодательным положением. Никто не был обязан помогать защите в поиске свидетелей; должностные лица также были вне пределов досягаемости для защиты.

С институциональной точки зрения поразительно, что защитник не является органом суда, подобно судье, прокурору и секретарю суда. Как я уже указал, защитник не имеет официального статуса, который предоставлял бы ему полномочия по отношению к лицам вне зала суда. Средства успешной подготовки к судебному заседанию остаются белым пятном в правилах процедуры. Первые, однако, помимо исследования материалов дела и изучения права и судебной практики, в делах международного характера включают в себя обнаружение доказательств на месте и опрос свидетелей за границей. Отсутствие соответствующих прав за пределами зала суда при исполнении обязанностей защитника может оказать серьёзное негативное воздействие на принцип равенства сторон, провозглашаемый статутами и правилами процедуры.

Если международное право не предусматривает средств правовой защиты, помощи от национального права также ждать не приходится, так как в большинстве случаев законодательство, принятое государствами во исполнение международных обязательств, не предоставляет обвиняемому возможность получить доказательства. Представляется, что защитник может самостоятельно выполнять некоторые следственные действия лишь в некоторых странах общего права. В странах, относящихся к романо-германской правовой семье, сбор доказательств, как правило, является прерогативой национальных следственных органов. В результате защитнику остаётся лишь просить суд выдать соответствующие предписания в надежде на то, чтобы получить то, что, по его мнению, является необходимым для защиты. Однако такие процедуры требуют много времени, а полномочия выдавать такие приказы ограничены, либо потому, что соответствующее предписание не обязательно для должностных лиц государства, либо в связи с тем, что сотрудничество поставлено в зависимость от приви-

легий национальных властей, гарантированных международным правом.

Людей, которые могут иметь соответствующую информацию, сложно найти. Когда они являются высокопоставленными должностными лицами, государственными гражданскими служащими, сотрудниками полиции или военными, их руководство может быть препятствием для того, чтобы с ними пообщаться или чтобы они дали показания. Похожие проблемы могут возникнуть и с документами, так как большинство документальных свидетельств являются официальными документами, которые трудно обнаружить, сделать копии, и в отношении которых может не существовать национальных правовых средств в отношении их обязательного представления. С аналогичными проблемами в отношении свидетелей и документов может столкнуться и обвинение, однако последнее является органом суда и располагает правовыми инструментами, позволяющими обязать иностранных должностных лиц исполнить соответствующие предписания, такими, как, например, возможность оказания политического давления. За исключением редких случаев, защита лишена таких возможностей.

Дело Тадича хорошо иллюстрирует этот недостаток. Тадич был сотрудником полиции, и важным элементом его защиты было алиби. В связи с этим я обратился к полицейским властям в Боснии, чтобы получить график дежурств и иные документы, которые могли бы пролить свет на его деятельность в период времени, указанный в обвинительном заключении. Боснийская полиция предпочла проигнорировать мои просьбы. Далее, никто не был согласен оказать помощь в розыске свидетелей или — если последние являлись должностными лицами — предоставить возможность для их опроса. Я не мог просить местный суд в Бая-Луке издать судебный приказ, обязывающий официальные власти подчиниться моим требованиям. У меня не было соответствующих прав, и ни один местный адвокат не был готов — возможно, по политическим или иным причинам — оказать мне содействие в этом вопросе.

С другой стороны, я должен был работать в районах, которые в недостаточной степени контролировались центральным правительством или в которых государственные учреждения должным образом не функционировали.

В районах, инфраструктура которых значительно пострадала в результате конфликта, что в настоящее время, я полагаю, может иметь место в некоторых частях Конго и Уганды. Проблемы такого рода, по крайней мере, присущи делам, которые рассматривает международный суд, или даже неизбежны. В настоящий момент процессуальное право международных судов не в состоянии решать подобные проблемы. Риску предположить, что обвинение, кажется, менее пострадало от такого рода проблем, нежели защита. Даже в трудные первые годы существования МТБЮ, когда суд испытывал трудности в связи с отсутствием признания его юрисдикции некоторыми государствами бывшей Югославии, обвинение оказалось в состоянии найти альтернативные способы получения доказательств.

Почему же проблема надлежащего институционального регулирования статуса защиты не решается? Потому ли, что идея помощи тем, кого обвиняют в совершении наиболее тяжких преступлений, непопулярна? Или же тот факт, что презумпция невиновности существует только на бумаге, — просто пример незрелости международных судов? В массовом сознании, как правило, преступники достойны только самых суровых наказаний. Безусловно, в обвиняемых в международных преступлениях можно узреть монстров, которые не вписываются в обычные представления о тех, кого бы мы хотели видеть среди своих деловых партнеров или знакомых. Напротив, никто не хочет каким-либо образом быть связанным с обвиняемым, и общественность, безусловно, может демонизировать тех, кто встаёт на их защиту.

Опытные юристы знают об этой ловушке. Они знают, что защита предполагаемых преступников требует профессиональных навыков и твердой веры в принципы права. Те, кто знаком с системой уголовного правосудия, понимают, что адвокаты выступают в защиту не незаконного деяния, а человека и, следовательно, его права на справедливое судебное разбирательство. Защита лиц, подозреваемых или обвиняемых в международных преступлениях, не должна отличаться от иных случаев, однако на деле отличается. Впрочем, это не муки Тантала, и ни подвиги Геракла, но благородная профессия, служащая делу справедливого отправления правосудия.

Проблема требований к профессиональным качествам защитника

Статуты и правила процедуры международных трибуналов, как правило, содержат немало квалификационных требований, которым должно соответствовать лицо, желающее выступать в качестве защитника. Обычно достаточно, чтобы защитник был допущен к юридической практике в одном из государств-участников (или же являлся профессором права), обладал определенным опытом в области уголовного права, имел представление о международном праве и говорил на одном из рабочих языков суда. МТБЮ в ряде случаев допустил к участию в процессе в качестве защитников юристов из соответствующего региона, которые не знали ни английского, ни французского языков, но говорили на языке подсудимого.

Обвиняемый вправе назначить, или, в случае если он не располагает финансовыми средствами, ему может быть предоставлено в качестве защитника любое лицо, отвечающее этим требованиям. Преимущество в том, что обвиняемый может получить защитника по своему выбору, или, в случае финансовых проблем, имеет достаточно широкий выбор. В то же время низкий порог требований привёл к тому, что нет недостатка в неопытных юристах с недостаточным знанием процедуры и материального международного права. Учитывая значение таких процессов и масштаб затрагиваемых интересов, нет никаких оснований быть довольным значительно более низкими требованиями к защитникам в сравнении с прокурорами и судьями. И наоборот, ужесточение требований к уровню профессионализма соответствует тенденции специализации по всему миру.

Большинство защитников на международной арене ведут одно или два дела, а затем возвращаются к своей работе в стране, где они практикуют. В отличие от стороны обвинения, большинство защитников не имеют накопленных специальных знаний и опыта, и они каждый раз изобретают колесо. Причиной такого удручающего положения дел вполне может быть то, что по сравнению с делами, в которых юристы участвуют в своих странах, условия работы на международном уровне для большинства защитников огорчи-

тельны. Существует серьезная потребность в профессиональной команде или корпусе опытных защитников, могущих вести дела в международных судах. Необходим компетентный защитник с условиями труда и профессиональными качествами, сравнимыми с теми, которыми обладают представители обвинения и судьи.

Такой адвокат, как правило, имеет в наличии команду юристов или умеет таковую создать. Есть точка зрения, что для эффективного решения проблем в рамках международного правосудия требуется команда, включающая юристов, практикующих в государствах, принадлежащих к различным правовым семьям: общего и европейского континентального права. Но практика показывает, что успешно может работать и команда защиты, состоящая из опытных юристов, практикующих в рамках только одной из указанных правовых семей. Профессиональные навыки и богатый опыт работы в международных судах, в частности, исчерпывающие знания правоприменительной практики и процесса необходимы, чтобы продемонстрировать уровень профессионального опыта, равный — или превосходящий — уровень профессионализма международных прокуроров.

Представляется, что мы нуждаемся в проведении четкого различия между разработкой правовой позиции и работой в зале суда. Очень хорошо, если адвокат способен легко завладеть вниманием тех, кто находится в зале суда, если своими вопросами он может загнать любого свидетеля в угол, но этого недостаточно. Логика судебного разбирательства требует от защитника превосходных навыков предвидения и разрешения всевозможных проблемных вопросов процессуального права. Для этого необходимо нечто большее, нежели тщательная подготовка и исчерпывающие знания соответствующей правоприменительной судебной практики: защитник должен уметь творчески подойти к решению юридических проблем, которые, по сути, не урегулированы нормами права. В этих целях юрист команды защиты должен быть способен преодолеть ограничения, присущие привычной ему правовой системе, и увидеть проблему в иной перспективе.

Как устанавливает Римский статут, требуется сделать больше, чем просто окинуть

взглядом статуты, правила процедуры и доказательства. Там, где это необходимо, следует изучить применимые международные договоры, принципы и нормы международного права, включая общепризнанные принципы международного права вооруженных конфликтов. Там, где это необходимо, следует применить сравнительно-правовой метод и сформулировать общие принципы права, вытекающие из национальных правовых систем, в частности, из законодательства государств, которые в обычных условиях обладали бы юрисдикцией по привлечению лица к ответственности за совершение преступления. При этом должно быть соблюдено условие, при котором результаты такого сравнительного исследования должны быть совместимы с международно признанными нормами и принципами.

Разработка правовой позиции сосредоточена на вопросах материального права. Каким образом элементы вменяемого преступления соотносятся с известными фактами дела, существование которых подтверждено свидетельскими показаниями в зале суда? Что именно доказывает каждый из элементов в конкретном деле? Какие аргументы необходимы, чтобы продемонстрировать, что обвинение не смогло представить убедительные доказательства? То же самое касается вопросов уголовной ответственности и обстоятельств, исключающих, ограничивающих или смягчающих такую ответственность. Для полного понимания всех тонкостей дела и эффективной подготовки к нему необходим такой постоянный анализ. Он также включает в себя разработку стратегии и тактики по делу, а также, при необходимости, способность держать в уме варианты поведения иных подсудимых.

Что же нужно, чтобы создать такую команду профессиональных защитников? Прежде всего, необходим опытный и компетентный основной адвокат, который был бы способен возглавить команду и осуществлять руководство её членами, мог бы разработать правовую позицию и стратегию действий, а также взял бы на себя работу с наиболее важными свидетелями и экспертами. Очевидно, что основной адвокат должен иметь хороший послужной список и должен знать язык судопроизводства. Выбор подходящих кандидатов в команду защиты также является ключевым

элементом в обеспечении того, чтобы все возможные проблемы были профессионально решены. Правила процедуры суда должны гарантировать возможность такого выбора, а не усложнять или — что ещё хуже — препятствовать ему. Такие члены команды работают постоянно в качестве со-защитников, способных оказать помощь и, при необходимости, заменить основного адвоката.

На мой взгляд, разумно принимать в команду юристов, которые имеют, по крайней мере, десятилетний опыт участия в уголовных делах и способны самостоятельно проводить расследование в отношении фактических обстоятельств дела. Участие других членов команды — консультантов, исследователей и лиц, осуществляющих функции расследования, — чаще всего необходимо эпизодически. Консультант может привлекаться для предоставления мнения по конкретному правовому вопросу или для оказания помощи в конкретном криминалистическом вопросе. Исследователь привлекается к работе со сложными, комплексными вопросами, такими как анализ всех материалов, представленных стороной обвинения, конкретные вопросы доказывания или вопросы сравнительно-правового характера. «Следователи» нужны для обнаружения и закрепления доказательств на месте, поиска конкретных свидетелей или «откапывания» необходимых документов. Порой при возникновении вопросов конфиденциального характера, необходимо прибегнуть к услугам переводчика.

Проблемы, присущие работе на международной арене

Наиболее типичной проблемой является работа за пределами своей собственной правовой системы в отсутствие преимуществ использования инфраструктуры и средств, доступных при судебных разбирательствах внутри страны. Защитнику придётся столкнуться с другими языками и перед ним встанет необходимость посещения проблемных районов, в которых непросто перемещаться. Работа за рубежом по уголовным делам, рассматриваемым внутригосударственным судом, обычно происходит в рамках правовой помощи между государствами. В этих случаях защитник может принять участие в поиске и установлении доказательств за рубежом че-

рез комиссионное поручение, при котором судебные должностные лица обычно имеют дело с материально-техническими вопросами и поддерживают связь с иностранными властями. В этом отношении защита в делах, рассматриваемых в международных судах, может рассчитывать на незначительную поддержку. Как уже было сказано, иногда обнаружение доказательств на месте практически невозможно или, по крайней мере, значительно затруднено из-за, предположим, продолжающегося конфликта в конкретном регионе.

Судебное разбирательство в международных судах это не тривиальное уголовное дело, а дело, получившее широкий общественный резонанс. Такие дела касаются не обычных убийств, а, скорее, отражают сложную природу политических эмоций и устремлений. Этот фактор является неотъемлемым элементом преступления и, следовательно, вопросом права, к рассмотрению которого следует подойти должным образом. Политическая мотивация обвиняемого должна быть представлена таким образом, чтобы соответствовать стратегии защиты в отношении уголовной ответственности или позволить отделить политические устремления от предполагаемых преступных действий. Политика также является фактором, который следует принять во внимание в связи со значимостью обвиняемого (подсудимого): некоторые из них являются «национальными героями» со значительным политическим влиянием.

Поддержка, оказываемая этим лицам на родине, и свойственный для таких дел общественный интерес может поставить перед защитником непростую задачу сохранения своей профессиональной независимости при повышенном внимании со стороны средств массовой информации. Прокуроры в этом отношении находятся в более выгодном положении, поскольку в их распоряжении есть пресс-секретари и даже целые отделы по связям с общественностью. Последние ограждают представителей обвинения от прямого контакта со средствами массовой информации и помогают избежать оговорок и других неудачных высказываний, от которых защитник не застрахован.

Помимо политического фактора, а также внимания со стороны средств массовой информации, личность обвиняемого является обстоятельством, который заслуживает осо-

бого внимания. В делах такого рода обвиняемые, как правило, — это люди с сильным характером, влиятельные личности с независимым мнением. Всё это в совокупности может оказать воздействие на профессиональную независимость защитника. Защитник должен балансировать между возможной необходимостью жёстко допросить свидетеля и проявлением должного уважения к жертвам преступления. Защитник должен проявлять осторожность в том, что касается личности тех, кого он вызывает на допрос. В большинстве случаев несложно убедить обвиняемого в том, что адвокат не будет вызывать свидетелей, собирающихся дать ложные показания. Но что, если свидетель поддерживает политические взгляды обвиняемого? С одной стороны, это может быть полезно для получения доказательств, объясняющих мотивы действий обвиняемого, но с другой, — суд не должен быть форумом для обсуждения политических взглядов. Защитнику следует рассматривать объективное влияние таких показаний на судьбу дела.

Другая политическая составляющая — это степень вовлечённости должностных лиц в конфликт. По этой причине требуется доступ ко всем видам информации, содержащейся в документах официальных органов. Это могут быть вопросы, связанные не только с фактической стороной дела, но и с конкретными юридическими элементами предполагаемого преступления. Например, такими, как: является ли конфликт по своему характеру международным или нет, или кто инициировал действия, которые рассматриваются как незаконные.

Особенностью дел в международных судах является защита свидетелей, или предоставляемая свидетелям возможность давать показания в частном порядке, чтобы избежать повторной психологической травмы или возможного возмездия. В большинстве случаев они являются свидетелями обвинения, но в *деле Тадича* я тоже попросил защиты для свидетелей. У нас было две категории свидетелей защиты. Те, кто свидетельствовал об алиби Тадича, и те, кто работал в лагере и был готов дать показания, что Тадича там не было. Свидетели обеих категорий разделяли два основных опасения в связи с возможной дачей показаний в Гааге: возмездие со стороны национальных властей или арест со сто-

роны обвинения. Некоторые свидетели второй категории и те, кто во время конфликта занимали государственные должности, опасались и того, и другого. Эта проблема была решена путем защиты свидетелей и создания правового инструмента, не предусмотренного правилами: гарантия неприкосновенности или дача показаний по видеосвязи.

Очередной помехой для защитника может стать страх и растерянность проживающих в районах конфликта людей, что часто способствует распространению историй и слухов, которые могут быть или не быть достоверными. Время, прошедшее с момента, в отношении которого необходимы свидетельские показания, а также физическое и психологическое насилие, которые претерпел потенциальный свидетель, могут отрицательно сказаться на надёжности работы памяти. Достоверность показаний свидетелей — вечная проблема. В делах, рассматриваемых международными судами, вероятность лжи или представления картины происходящего исключительно в чёрных тонах более высока. В большинстве дел свидетели, дающие противоречащие друг другу показания, принадлежат к разным этническим группам.

Ярким примером в *деле Тадича* был рассказ свидетеля «L» и избличение его показаний как ложных. Допрос этого свидетеля (теперь я знаю его настоящее имя — Опачич) был заключительным номером в представлении, подготовленном обвинением. Он обвинил Тадича в десятке изнасилований и около двадцати убийствах в лагере Трнополе. Для того чтобы получить анонимный статус он придумал историю о своей матери и маленькой сестре, которые живут в опасности после того, как умер его отец. Мы нашли его отца, который был еще жив, и представили его суду. Опачич свидетельствовал об изнасилованиях и убийствах, происходящих в подвале белого дома. Мы установили, что все дома в этом районе были белые, и ни один не имел подвала. Он сообщал и о других деталях, и каждый раз мы снова доказывали обратное. Надёжность показаний свидетеля — это, действительно, важная проблема, и успешная история разоблачения свидетеля «L» является все же исключением.

Мы не должны забывать, что институт защиты свидетелей может свести к нулю все старания защиты проверить достоверность

показаний в суде. Защита свидетелей может также ограничить право подсудимого проводить эффективный перекрестный допрос свидетелей, которые дают показания против него. Под угрозой оказывается возможность защиты оценить и поставить под сомнение представленные доказательства. Защите должно быть предоставлено право провести углублённое изучение личности свидетелей обвинения с целью проверки правдивости их показаний и определения их потенциальных предубеждений. Объективность свидетелей обвинения должна быть тщательно изучена.

Проблема перевода с одного языка на другой также является одной из проблем, так как это может нанести вред качеству судебного разбирательства. Помнится, в *деле Муземы*² в Международном уголовном трибунале по Руанде (*далее* — МТР), допрос руандийцев, которые говорят только на языке киньяруанда (местный язык в Руанде), оказался проблемным, так как свидетелей должны были допросить перед англоязычной Судебной палатой. В связи с отсутствием переводчиков могут возникнуть ситуации, когда вопросы, заданные на английском языке,

должны быть переведены с английского на французский, затем с французского на киньяруанда, затем обратно на французский язык, а потом обратно на английский язык. Язык, как это известно опытным адвокатам, одно из средств оценки правдивости показаний свидетеля. Однако ситуация может быть непростой, как, например, в *деле Муземы*, когда ответ, данный свидетелем-руандийцем занял около минуты, но суду было переведено: «Свидетель говорит “да”». В ходе слушаний в международном суде существует постоянный риск потерять контроль над соответствующей информацией.

В заключение позвольте мне заметить, что, безусловно, защитник сталкивается со множеством проблем. Основная из них заключается в том, что защитник должен балансировать между установлением прочных отношений с подсудимым и поддержанием его профессионального авторитета и независимости. Мнения защитника и подсудимого по многим вопросам могут быть различны, однако защитник должен сделать невозможное: удовлетворить реальные потребности обвиняемого и отстоять свою позицию как *dominus litus*³.

² International Criminal Tribunal for Rwanda. *Prosecutor v. Alfred Musema*. Case No. ICTR-96-13-A.

³ «*Dominus litus*» (лат.) — хозяин иска; лицо, заинтересованное в исходе судебного разбирательства (*прим. перев.*).